

16 (28) мая 1812 г. в столице Валашского княжества Бухаресте представители России и Турции подписали мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806—1812 гг. Мы не ставим своей задачей осветить все перипетии дипломатических переговоров, связанных с урегулированием русско-турецкого конфликта¹. Основная цель нашего краткого сообщения — показать историческое значение Бухарестского мира и его непосредственное влияние на военно-политические события Отечественной войны 1812 года.

Русско-турецкие мирные переговоры, приведшие в конце-концов к заключению договора, открылись тотчас после того, как главнокомандующий Молдавской армией М. И. Кутузов успешно завершил (2 октября 1811 г.) смело задуманную и блестяще осуществленную операцию по окружению пленению в районе Малой Слободзеи 36-тысячной группировки турецких войск². «Армия турецкая... у нас в руках находящаяся, есть способ действительный к миру», — утверждал М. И. Кутузов в донесении военному министру Барклаю-де-Толли³. Но даже и при этом выдающемся успехе русской армии добиться мира было нелегко. Соглашению с Портой мешала не только тайная поддержка, которую оказывали французские, австрийские и английские агенты в Константинополе султанскому правительству, но и восточная программа Александра I.

Территориальные претензии Александра I к Турции в течение всей войны 1806—1812 гг. претерпели весьма существенные изменения. Соглашаясь в конце 1807 г. примириться с Портой на условиях статус-кво⁴, царь под влиянием тильзитских и эрфуртских посулов Наполеона выдвинул в 1808 г. требование о перенесении русско-турецкой границы на Дунай⁵. Однако, неотвратимо надвигавшаяся война с Францией побудила его в середине 1811 г. к пересмотру территориальных требований к Турции и отказу от осуществления связанных с ними дипломатических комбинаций. В депеше от 6 (18) июня 1811 г. Н. П. Румянцев впервые запросил мнение М. И. Кутузова, не считает ли он «полезнее» взвесить все обстоятельства «для совершенной развязки дел — требовать уступку Молдавии по реку Серет»⁶. Кутузов без колебания поддержал мысль о необходимости ограничить территориальные притязания к Турции, убедительно обосновав нереальность ранее выдвинутых планов⁷. «Кутузов человек умный и умеющий предвидеть все события, — вспоминал А. Ланжерон, — очень желал мира; он прекрасно понимал, что граница по Дунаю, которую Н. П. Румянцев непременно хотел сделать нашей, является для нас непреодолимым препятствием и, в тех обстоятельствах, в каких мы находились тогда, это желание было положительно химерой»⁸.

Политические задачи, стоявшие перед Кутузовым в Бухаресте, были чрезвычайно сложны и многообразны. Однако высокое дипломатическое

¹ См. В. А. Уляницкий. Материалы к истории восточного вопроса в 1811—1813 гг., М., 1901.

² М. И. Кутузов. Личная переписка, ж. «Знания», 1949, № 5, стр. 95.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2952, л. 407.

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел, т. III, М., 1963, стр. 738.

⁵ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны с 1806 до 1812 г., СПб., 1849, стр. 95.

⁶ А. Попов. Сношения России с европейскими державами перед войной, 1812 г., СПб., 1876, стр. 261—262.

⁷ М. И. Кутузов. Сборник документов, т. III, М., 1952, стр. 452—454.

⁸ А. Ланжерон. Записки. «Русская старина», 1910, август, стр. 352.

искусство, которым он в совершенстве владел, постоянно помогало ему отводить угрозу срыва мирных переговоров, не раз возникавшую то по вине турецкой стороны, то по причине недостаточной политической дальновидности царского правительства. Кутузов сумел убедить турецких уполномоченных, что рано или поздно, если возрастающему могуществу Наполеона не будут поставлены коллективные преграды, он направит свою агрессию и против Турецкой империи. Боязнь стать жертвой этой агрессии сыграла существенную роль в решимости турецкой делегации принять последние русские мирные предложения. Главнокомандующий турецкой армией (верховный визирь) Ахмет-паша в беседе с русским уполномоченным И. Фонтоном откровенно заявил: «Главный интерес России и Порты — искренне примириться и как можно скорее, чтобы позаботиться об общей обороне, так как, я это говорю с уверенностью, французы уже не ваши друзья, как впрочем, и не наши. Они делают все возможное, чтобы помешать нам заключить мир, они не ищут ничего другого, как постепенно нас истощить, чтобы затем воспользоваться нашей слабостью и привести в исполнение их затаенные проекты»⁹.

После того как в марте 1812 г. в результате настойчивых представлений Кутузова царь дал свое согласие на установление новой русско-турецкой границы по р. Прут, бухарестские переговоры стали быстро продвигаться вперед. Заключительная фаза этих переговоров протекала в обстановке исключительной секретности. Уже после подписания предварительных условий договора, Кутузов добился от главы турецкой делегации Галиб-эфенди согласия «сколько можно менее давать публичности всему производству, дабы на некоторое время утаить сие происшествие от недоброхотствующих»¹⁰. Иностранцам было сделано ложное сообщение о том, что «никак мнения взаимных полномочных не сходятся» и дело идет к возобновлению военных действий. Представление о том, какой неожиданностью явилось подписание Бухарестского мира, дает любопытное донесение австрийского консула в Валахии Флейшгакеля в Вену. Получив от одного из своих осведомителей сообщение о состоявшемся подписании мирного договора, он не поверив в его достоверность, писал Меттерниху следующее: «Эти уверения и события так мало совпадают с письменными объяснениями, которые я имел честь часто докладывать вашей светлости, что я нахожусь в величайшем затруднении отличить правду от призрака»¹¹. Чтобы не попасть впросак, решение вопроса о случившемся он предоставлял «мудрому усмотрению» самого австрийского канцлера. Французский консул в Бухаресте Леду также неоднократно высказывал твердую уверенность в том, что возросшая вероятность скорого разрыва между Францией и Россией либо вовсе исключит возможность мирного урегулирования, либо вынудит Россию согласиться на принятие таких турецких условий, которые придадут миру постыдный для великой державы характер¹².

Итак, успешно преодолев все препятствия, 16 мая 1812 года Кутузов подписал от имени России мирный договор с Турцией, доказав не только умение побеждать врага, но и искусство пользоваться победой. «Кутузов-дипломат, — справедливо подчеркивал Е. В. Тарле, — нанес Наполеону в 1812 г. тяжкий удар еще раньше, чем Кутузов-военачальник»¹³.

Известие о заключении Бухарестского мира вызвало широкий общественный резонанс в России. «Границу составит река Прут, — сообщал о мире генерал-адъютант А. Д. Балашов, — но впрочем, кажется тут и

⁹ АВПР, ф. Канцелярии, д. 1960, л. 298/об.

¹⁰ Там же, д. 1982, л. 13—14.

¹¹ Черновицкий обл. архив, ф. акад. Нистора, д. 34, л. 66.

¹² «Documente privitoare la istoria românilor, supl. I, vol. II, București, 1889, p. 650.

¹³ Е. Тарле. Кутузов как государственный деятель, дипломат. «Известия», 1945, 21 сентября.

разницы для России мало, какая граница, а важно то, что мир и при каких обстоятельствах! Кто бы ожидать мог, что во время так критическое мы укрепим свой союз с северным естественным неприятелем нашим и восстановим разрушенный с южным»¹⁴. О всеобщей радости жителей Москвы, узнавших о заключении мира с Турцией, доносил в Петербург московский генерал-губернатор Ф. В. Растопчин¹⁵. Военный министр М. Б. Барклай-де-Толли в депеше к командующему 3-й Западной армией ген. А. П. Тормасову писал: «Мир с турками, ныне благополучно заключенный, доставляет России важные выгоды и я спешу поздравить ваше высокопревосходительство с радостным сим событием»¹⁶. Он выражал надежду, что освобождающаяся на Дунае Молдавская армия будет направлена на подкрепление войск, сражающихся против наполеоновского нашествия. Штаб 1-й Западной армии разработал в этой связи несколько проектов операционных планов по ее боевому использованию. «В нашем распоряжении находится теперь превосходная Молдавская армия»,— писал ген. Л. Л. Беннигсен Александру I и предлагал либо присоединить ее к войскам ген. Тормасова для действий в районе Бреста, либо направить в Минскую губернию для поддержки главных сил армии. «Нельзя исчислить всех последствий, какие могут иметь ее движения»,— подчеркивал он в заключение своего донесения.

Когда М. И. Кутузов был назначен главнокомандующим всеми армиями, он, исходя из того, что «отдаленные диверсии от главного действия войны не могут иметь над нею (французской армией.— Н. К.) такого влияния, как ближние»¹⁷, приказал командующему Молдавской армией П. В. Чичагову немедленно идти с ним на сближение и угрожать тылу неприятеля¹⁸. Под Березиной части Молдавской армии несмотря на ошибки Чичагова, сыграли свою роль в разгроме отступающего Наполеона.

Подписание Бухарестского мира явилось для Наполеона крайне неприятным сюрпризом. Во время свидания с генерал-адъютантом А. Д. Балашовым в Вильно 19 июня (1 июля) 1812 г. Наполеон не удержался от вопроса: «Правда, что вы заключили мир с турками?... Если вы им уступаете без всяких оговорок Молдавию и Валахию, то султан может его подтвердить; но если вы претендуете, как мне говорят, на границу по Прут, то ничего не выйдет, будьте уверены»¹⁹. Но в данном случае наигранная самоуверенность Наполеона вряд ли соответствовала его подлинным настроениям ввиду очевидного провала плана использовать Турцию в войне против России. Незадолго до смерти, диктуя на о. Св. Елены свои мемуары, он признал, что при известиях о заключении мира между Россией и Турцией, а также о дружественной по отношению к России позиции Швеции, ему следовало бы отказаться от задуманного похода против России. И накануне кампании 1812 г. и в ее ходе Наполеон гневно обвинял своего министра иностранных дел герцога Бассано (Маре) за его неспособность привлечь к союзу с Францией южного и северного соседа России, что, по его мнению, наполовину предопределило бы решение «всей задачи похода»²⁰. «Неслыханная вещь,— говорил он Коленкуру,— две державы, которые должны потребовать все обратно у русских, являются их союзниками, как раз тогда, когда представляется

¹⁴ Н. Ф. Дубровин. Отечественная война в письмах современников, СПб., 1882, стр. 7.

¹⁵ Там же, стр. 9—10.

¹⁶ Двенадцатый год. Исторические документы главнокомандующего 3-й Западной армией А. П. Тормасова, СПб., 1912, стр. 15.

¹⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его имп. вел. канцелярии, вып. 14, СПб., 1913, стр. 99.

¹⁸ РИО, т. 122, стр. 65.

¹⁹ Н. Ф. Дубровин. Отечественная война в письмах современников, стр. 24.

²⁰ А. Коленкуру. Мемуары, М., 1943, стр. 75.

прекрасный случай вновь завоевать потерянное... Армия, стоящая в Финляндии, пойдет на подкрепление Витгенштейна, Армией, находящейся в Молдавии, Россия также может располагать, потому, что турки не переходят от мира к наступательной войне... министерство иностранных дел должно было обеспечить мне шведов и турок, но никто теперь не умеет делать политику»²¹. В своих мемуарах сподвижник Наполеона, Сегюр подчеркивал, что недооценка военно-политического значения союза Франции с Турцией и Швецией была непростительной ошибкой Наполеона. Вот как описывал Сегюр впечатление, произведенное на наполеоновскую армию известием о ратификации Бухарестского мира и заключении русско-шведского союзного договора: «Кто из нас во французской армии не вспоминает о своем удивлении, когда посреди русских полей стало известно о роковом договоре турок и шведов с Александром и как вследствие этого наши беспокойные взгляды стали поворачиваться к нашим флангам — правому открытому и левому ослабленному и к нашему угрожающему удалению. Тогда мы не думали иного, кроме как о гибельных последствиях этого мира между нашими возможными друзьями, ставшими нашими врагами»²².

Французские историки бонапартистского направления, чтобы оправдать крупнейший дипломатический просчет Наполеона, связанный с недооценкой союза с Турцией и Швецией, пытаются доказать, что он всегда был более полководец нежели политик. Но факт остается фактом: Наполеон не сумел воспользоваться своим преимуществом, чтобы привлечь на сторону Франции Турцию и Швецию. А. Ламартин считал, что «наступательный союз с Махмудом II и вспомогательная армия, отправленная на Дунай через Далмацию, еще до вторжения Наполеона в Россию приковала бы к Дунаю и Пруту 30 000 русских и предотвратила бы страшную катастрофу на Березине»²³.

Таким образом Бухарестский мирный договор, заключенный М. И. Кутузовым за 37 дней до наполеоновского нашествия, создал для России более благоприятную военно-политическую обстановку в предстоящей борьбе с Францией, ибо, во-первых, в лице Турции Наполеон лишился ценного союзника, чьей армии он отводил весьма важную роль на своем крайнем правом фланге, и, во-вторых, освободившаяся Молдавская армия увеличивала противостоящие Наполеону вооруженные силы России на 50 000 человек, т. е. на то количество войск, которое должны были выставить против России Пруссия и Австрия, как союзники Франции. Самым значительным результатом Бухарестского мирного договора 1812 г. и итогом русско-турецкой войны 1806—1812 гг. явилось включение в состав России территории Бессарабии по р. Прут и освобождение населявшего Бессарабию молдавского народа от многовекового турецкого ига, препятствовавшего его экономическому и культурному прогрессу. Это стало событием огромной исторической важности. С тех пор молдавский народ навеки соединил свою судьбу с судьбой братского русского народа. Для молдавского народа сложилась более благоприятная обстановка, позволявшая ускорить процесс хозяйственного и культурного развития страны. Подлинного расцвета своих экономических и культурных сил молдавский народ достиг лишь влившись в великую семью народов СССР.

²¹ Там же, стр. 121—122.

²² Segur. Histoire, mémoires..., t. IV, Paris, 1873, p. 26—27.

²³ A. Lamartine. Histoire de la Turquie, t. 8, Paris, 1855, p. 103.